

Лариса Омельчук-Гуляева: Мои родители считали, что я сломала себе судьбу

Сегодня — 70 лет со дня рождения
певца Юрия Гуляева

Немногие знали, что в молодости у Гуляева был высокий тенор: в консерватории он пел Ленского, вердиевского Герцога. Когда голос стал меняться, преподаватели заволновались: «Не надо такими голосами засорять консерваторию». С горя Гуляев чуть не ушел преподавать сольфеджио. Но, попробовав попеть баритоновые партии, решил остаться в мире. Его приняли в Донецкий оперный театр, где он засверкал всеми красками своего дарования. *Вс. Моква - 2011 - г. № 1 с. 4*

У нас появился новый баритон

— В то время я жила в Краснодаре, работала внештатным корреспондентом в газете «Комсомолец Кубани». В 1956 году у нас гастролировал Донецкий оперный театр, Сталинский, по тогдашнему названию города. И вот как-то прихожу я в редакцию, а мне зав. музотделом говорит: «Ты обязательно должна пойти в оперу. У нас появился новый баритон Гуляев.

Это будущая наша звезда». Так я впервые услышала о своем будущем муже.

Моя мама дружила с одной юриной знакомой. И как-то та дама сказала маме (это я потом уже узнала): «Мусенька, наш Юрочка хочет с твоей Лорой познакомиться». А мама у меня строгая была: «Не надо. Если ты это сделаешь, забудь, что мы с тобой друзья». Но Юра сам нашел способ со мной познакомиться. Мы оказались рядом на одном дневном спектакле, на «Аиде». Потом в антракте подо-

шел ко мне — высокий, стройный, и очень, очень стеснительный — протянул мне шоколадный батончик. А жарко было, август месяц. Раскрыл ладонь, а батончик-то весь растаял.

Мы с ним переписывались четыре года. Пока я училась в Ленинграде. Иногда встречались. На 4 курсе я поехала в Донецк — замуж за Юру. Мои подружки пришли в ужас: куда меня несет! в Донецк, да еще за артиста! Мы поженились и приехали в гости в Ленинград. И там почему-то пошел слух, что я вышла замуж за шахтера. «Да, за шахтера», — отвечала я. Стеснялась сказать, что за актера. Да что там! Мои родители год не разговаривали со мной — считали, что я сломала себе судьбу. Кстати, и Юрины родители тоже не хотели, чтобы он стал певцом. Жили ведь бедно, долго никак не могли выкарабкаться. Когда Юра в Донецке получил квартиру однокомнатную, купил шесть стульев, ковер, телевизор, это было такое событие! Но главной мечтой его была машина. В 60-м году он купил первую — «Москвич». Юра обожал водить автомобиль, все равно какой. Когда у него не было тогда машины, ему давали покататься на грузовике. И он в театре, в антрактах, снимал фрак Онегина, садился на грузовик и до следующего акта катался кругами по двору.

Все время с какими-то инструментами возился, слесарничал, столярничал. У него была своя мастерская. Как-то он, вернувшись из Америки, вошел в дом и поставил передо мной огромный чемодан: «Подними его». Я дергала, дергала, никак поднять не могла. Он открыл — я увидела там гору дрелей, отверток. Он был так горд!

... А как он с Гагариным в бильярд играл! Оба задиристые, азартные. Юра мой когда злился, на зверя был похож, нахмурился весь, и от того еще хуже играл. А Гагарин потешался. На кресло вскочил, сделал стойку: ноги в верх, а знаменитая гагаринская улыбка внизу. Выкрутасничал, как мог. В общем, Гуляев всухую проиграл ему.

Познакомились мы с Гагариным в Звездном. Гагарин подошел: «Юра, я вас прошу, спойте что-нибудь для Сергея Павловича Королева». — «Я так не могу. Может, он вообще не хочет, чтобы я пел». — «Знаете, я пойду спрошу». Гагарин спросил, и Юру пригласили петь. Гагарину очень нравилась песня «Усталая подлодка». Но он стеснялся просить Юру петь. К Пахмутовой приставал: «Аля, давай споем «Усталую подлодку». Но все же понимали, что петь-то должен Гуляев. Ну он и запел, а потом еще и «Обнимаю небо». Когда не стало Гагарина, Пахмутова написала песню «Он сказал: поехали». Юра ее спел.

После Высоцкого — не могу

После Донецка Юра пел в Киевском оперном театре. Но сперва получил первую премию и золотую медаль на фестивале в

Вене, вместе с Васильевым и Максимовой. Помню, я взяла газету «Известия» и увидела там фотографию — наши лауреаты Гуляев и Максимов. Я тогда еще, честно говоря, заревновала: «Ого, он там с Максимовой. Может, у них роман какой случился?» Мы стояли с Васильевым за кулисами уже на вечере памяти Гуляева, я говорю: «Жалко, что нет Кати. Ей было бы что вспомнить. Они же вместе получили золотые медали». А Васильев удивился: «То есть как это?! А вы думаете, где я в это время был? Я тоже там был!»

В Киевский театр Юру пригласил зять Хрущева, он тогда был директором театра. Там и без Юры уже было девять баритонов, но его пригласили десятком: «Гуляев будет у нас петь!» Но в театре тогда такие голоса были! Бела Руденко, Женя Мирошниченко, Лариса Руденко, Зоя Гайдай, Гмыря, Гнатюк (Дмитро, а не тот, который с барабаном прыгает).

У нас в Киеве был Ростропович. Они с Юрой в очень добрых были отношениях. Но Ростропович любил, чтобы к нему обращались: Слава, ты. Юрий Александрович не признавал этого амикашонства: «Нет, я не могу так». Ну, тот мучился, мучился с ним. Потом сказал: «Старик, ну, если ты не можешь мне «ты» сказать, ну пошли меня... в задницу. Тебе будет легче. Будем тогда на равных». Ростропович пригласил Гуляева петь Онегина в Большом театре. Но репетиций не было, на спектакле все получилось как-то не так. У Славы была куча претензий. Я тогда защищала Юру, бушевала. А Юра Любимов, который при сем присутствовал, говорит: «Вот у меня был бы такой импресарио». Еще Любимов приходил к нам с Высоцким. Высоцкий пел два часа к ряду, потом остановился: «Ну, наверное, на чашечку кофейку я заработал». Он тогда не пил совсем. Выпил кофе и говорит: «Юра, а теперь спой ты». А Юра ответил: «Нет, Володя после тебя я не могу».

Утесов у нас пел «Раскинулось море широко». А Юра ему аккомпанировал. Мы это записали на магнитофон. Потом пришел дундук Штоколов. Мы включили: «Боря, слушай. Это Леонид Осипович». Штоколов: «Садись. Играй. Сейчас я спою «Раскинулось море». Как они со Штоколовым дружили... Гуляев его только терпел.

Я вчера дядю Юру поцеловала

Лемешева он просто боготворил. Знал весь его репертуар наизусть. Восьмого марта Сергей Яковлевич пришел к нам с Верой Николаевной. Принес потрясающий букет — розовые гвоздики: «Вы знаете, Лариса Михайловна, эти цветы... Я с таким трудом их достал. Я вынужден был позвонить и сказать: «Я Лемешев, помогите мне достать эти цветы». От Сергея Яковлевича у него любовь к романсам. Его часто стали приглашать на записи, на «Огоньки». Я спросила однажды у Хренникова, ка-

С сыном Юрием Юрьевичем

«Желаю вам!» Юрий Гуляев, Иннокентий Смоктуновский, Муслим Магомаев

ких певцов он знает. Он многих называл, а Гуляева нет: «А я его не знаю». — «Как не знаете? Столько передач, столько «Огоньков». — «А почему вас это так интересует?» — «Это мой муж». — «Ну, когда вы в следующий раз приедете с ним в Москву, приходите — послушаем». Когда мы пришли, Хренников поставил читать с листа арию Фрола «Безродный зять». Послушав, сказал: «У меня было два потрясения. Первый раз, когда я слышал Николая Гяурова, а второй раз — вас». Когда Юру приняли в Большой театр, к нему сначала относились осторожно. Особенно критики: как же — эстрадные песенки в микрофон! Но когда Архипова, например, послушала Гуляева, она после этого сама в БЗК устроила концерт советской песни.

В жизнь простых людей Юра вошел, конечно же, как эстрадный певец. У него было столько поклонниц! Однажды ко мне на улице подбежала девочка: «А я вчера дядю Юру поцеловала». Я думала: «Господи, где ж ты успела-то?» Оказывается, он пел по телевизору, она подошла и поцеловала экран.

Астма

Конечно, он бы мог успеть гораздо больше, если бы не бронхиальная астма, которая его терзала последние восемь лет. Он мучился, а не жил. Кашлял по восемь часов в сутки, задыхался. Он накашлял себе связки так, что они кровью заливались. Врачи вводили ему катетеры, чтобы прочистить бронхи. Он так этого боялся: заденут связку, и он не

сможет петь. Лечение хорошего Юра не получал. Нигде не был прикреплен. Когда мы еще только приехали в Москву, нам говорили: «Нужно получить квартиру, дачу, номенклатурную и поликлинику». А он: «Да, буду я об этом просить!» Вот мы и не просили. Однажды звонит мне с репетиции: «Бери машину и вези мне алулент. Я задыхался». Я со всех ног помчалась в театр.

Он и из жизни ушел с этим алулентом в руках. Выезжал из гаража и вдруг почувствовал себя нехорошо. Думал, что приступ астмы, вытащил алулент, а это, оказалось, болело сердце. Нужен-то было нитроглицерин. Выходит, он этим алулентом только ускорил себе конец. Когда я приехала, первое, что увидела — валяющийся на полу алулент.

Но ведь никто не догадывался о Юриной болезни. Он всегда ходил с улыбкой. Только за две недели до смерти у него было какое-то странное предчувствие. Его пригласили космонавты на встречу, но он так плохо себя чувствовал, что отказывался. Но потом все-таки пошел. Когда вернулся, сказал: «Знаешь, такое странное ощущение, как будто я ухожу в космос». У Юры была любимая песня — «Платком махнула у ворот моя любимая». Он спел ее в последний раз космонавтам и уже хотел уйти, но они говорят: «Юра, не уходи. Вот мы еще раз шарик облетим и еще споем».

Записала Елена КАРПЕНКО

Фотографии из семейного архива.
Публикуются впервые